

Герман Шелков

ЧУЖИЕ ОШИБКИ

или

рассказы неудачников

Герман Шелков
Чужие ошибки или
рассказы неудачников

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22967322

Чужие ошибки или рассказы неудачников / Герман Шелков: Телеграф;

Москва; 2016

ISBN 978-5-902845-24-9

Аннотация

Люди с неудачно сложившейся судьбой рассказывают о плохих поступках, которые они совершили в жизни и которые отрицательно повлияли на их судьбу.

Содержание

Предисловие	5
Чужие ошибки или рассказы неудачников	7
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Герман Шелков

Чужие ошибки или рассказы неудачников

Эпизоды курения и употребления спиртного в тексте являются неотъемлемой частью описываемой в книге эпохи.

Все совпадения случайны.

Предисловие

Как-то раз один человек признался мне, что он неудачник. Решительно ни в чем не везет, хоть кричи, а хоть плачь. Каждое утро – уныние, каждый вечер – тоска и печаль. Вот уже много лет даже улыбаться не хочется. «Скажите, – спросил он меня, – отчего я страдаю? Почему мне все время приходится хмуриться? В чем причина такой катастрофы?»

Он рассказал мне свою подробную биографию, и вот что выяснилось: в юности и в молодости он совершил несколько нехороших поступков. Я сказал ему: «Вот видите. Может быть, поэтому вы чувствуете себя несчастным? Сделали плохое, и вам теперь плохо».

Неудачливый человек задумался и ответил, что все может быть. Он тоже об этом думает. Кстати, он знает еще двух людей, которые сделали в юности много плохого, так вот, у них жизнь тоже не сложилась. Наверное, они сами во всем виноваты. Да, верно. Совершили ошибки и с тех пор наказаны. Ах, если бы он знал, какая судьба его ждет! Ни за что бы не делал плохого, а наоборот, только хорошее. То есть не повторил бы своих ошибок и не стал бы неудачником.

После этого разговора я задумал написать книгу о чужих ошибках. Для этого, как всегда, мне пришлось расспрашивать множество людей, однако в этот раз мне было труднее, чем обычно. Ведь это непросто – разговаривать с теми, кого

преследует невезение, причем я расспрашивал зрелых и пожилых, проживших достаточно времени, чтобы можно было подвести некоторые итоги.

Оказалось, что многие неудачливые люди совершили в своей жизни плохие поступки.

Каждый из них, можно сказать, был наказан за совершенное зло... Это выходило из их собственных слов, из их горячих, откровенных признаний.

Герман Шелков

Чужие ошибки или рассказы неудачников

Николай Си-вов, 1970 года рождения: «В детстве я принял неправильное решение, ставшее роковым для моего отца. Я был мальчишкой десяти лет. Рос послушным, не избалованным, и все-таки поступил очень плохо. Папина жизнь из-за моего поступка изменилась навсегда.

Сделал я вот что: соврал, сказал неправду.

Мог ли я поступить честно? Конечно! Мне это ничего не стоило, но я принял другое решение по ничтожной, пустяковой причине, из-за обиды...

Из-за нового велосипеда.

В доме напротив жил мой приятель Андрей П., и вот однажды он выехал из ворот на новеньком велосипеде. Сделал два круга, потом две восьмерки, затем дал прокатиться мне, лучшему другу.

Покупка такой вещи, как велосипед, всегда существенное событие для мальчика, любого паренька душат порывы восторга. И мой приятель все время улыбался и смеялся. Однако ни для меня, ни для него это не было неожиданностью: нам обоим наши отцы пообещали новенькие велосипеды.

Этот славный денек должен был наступить не позднее пятнадцатого июля – именно тогда, в середине лета, у каж-

дого из нас долей был появиться новенький «Орленок». У меня синий, у Андрея зеленый. И вот Андрей получил велосипед, а мне сказали: «Подожди еще немного».

У моего папы была на то причина: он возмещал ущерб за разбитую машину, «Москвич-4 12». Он выпросил этот «Москвич», чтобы съездить в соседний поселок, и хозяин машины сразу согласился, вручил папе ключи, и папа поехал.

В ливень на повороте автомобиль занесло, и он очутился в кювете. Папа не пострадал. Зато автомобиль пострадал, у него помялся один бок, погнулись двери, разбились фары и стекла.

Хозяин машины не стал судиться, а просто сказал папе: «Бери на себя все расходы по ремонту – и разойдемся по-доброму». Папа выпросил на работе отпуск и устроился на месяц в ремонтно-строительную бригаду, чтобы заработать необходимую сумму. Он был инженер, носил пиджак и галстук, а тут ему пришлось надеть спецовку и заняться физическим трудом. Но он не жаловался. Он работал хорошо и с удовольствием.

Обо всем этом я узнал позже, потому что меня, как десятилетнего мальчика, в дела взрослых не посвящали. Так было заведено. Взрослые не рассказывали детям о своих проблемах. Папа лишь сказал, что у него возникли некоторые временные затруднения.

Он сказал мне: «Потерпи, друг. В середине августа полу-

чишь свой «Орленок», а пока ездил на старом велосипеде».

Мой велосипед действительно был старым. Краска облупилась. Кое-где выступала ржавчина, руль искривился и потускнел. Рама со следами сварки. Я давно охладел к этому велосипеду, и мне, разумеется, хотелось другой, новый. Я мечтал об «Орленке» из магазина «Культтовары».

И когда я услышал, что мне придется ждать еще тридцать дней, я обиделся. Но папа не знал об этом. Он видел, что я лишь расстроился, и стал меня подбадривать: «Выше нос, сынок! Ничего страшного не случилось. Четыре недели пролетят быстро, и не заметишь!»

А я именно обиделся. Когда я оставался один, я бормотал что-то злое, нехорошее, как-то раз я даже заплакал, когда был один. Вдруг потекли слезы, и я захныкал.

Затаившаяся во мне обида и повлияла на события, о которых я собираюсь здесь рассказать хотя вспоминать об этом мне очень нелегко.

В тот год, весной, наша бабушка, которая проживала в другом районе, упала и сломала бедро. И моя мама поехала за ней ухаживать. Обещала вернуться в сентябре, а уехала в мае, то есть мы с папой все лето жили одни.

Папа был обязательным человеком. С двадцати двух лет занимал ответственные должности с юности приучил себя к порядку и дисциплине. К примеру, он никогда не забывал обо мне: каждый день в два часа дня приходил кормить меня обедом. Не было случая, чтобы я обедал один или вовсе

остался без обеда.

Папа варил вкусные супы, особенно щи и рассольник, жарил картошку с луком, жарил рыбу, тушил крольчатину. Хлеб нарезал «треугольником», как в кафе. Хорошо заваривал чай. Мог сварить компот, кисель и какао.

Он не курил, не злоупотреблял спиртным, а еще не ругался, не сквернословил.

Папа был «положительным товарищем», как тогда говорили.

В тот роковой день он пришел, когда часы в гостиной отстукивали два часа. Не опоздал ни на минуту. Разогрел сущ сварил макароны, поджарил мясной фарш и смешал его с макаронами. Заварил чай.

Мы сели обедать.

Я хотел показать папе, что все еще «дуюсь», поэтому разговаривал с ним неохотно. Все дети так делают. Дети всех стран, я думаю, поступают одинаково, когда желают продемонстрировать свое недовольство взрослыми. Папа это сразу заметил, стал улыбаться и говорить: «Брось, ты же не девчонка! Дни летят стремительно. Пролетят, как стрела. Проснешься однажды утром, а велосипед вот он – стоит у стены. Осталось немного, потерпи!»

Мне было очень обидно, что лишь мой приятель разъезжает на новом «Орленке», а я торчу на лавке у дома. Ведь мы не об этом мечтали. Вот в чем дело. Мы строили грандиозные планы. Мы намеревались объехать наш поселок во-

круг, причем с секундомером, потом доехать до реки, потом до товарной станции. И что же?

Слова моего папы действовали на меня не успокаивающе, а наоборот, злили. Ждать целый месяц! Да кто это сказал, что время бежит стремительно? Оно ползет, как черепаха!

Я вздыхал, отворачивался и смотрел в окно. Папа пытался рассмешить меня, рассказывая забавный случай о пьяном человеке, который влез на дерево, а спуститься с него побоялся, так что ему пришлось два часа кряду орать, звать на помощь. Но я всем своим видом показывал безразличие. Я как будто говорил: «Нечего мне зубы заговаривать! Вот купи велосипед, тогда и говори что хочешь».

После обеда папа ушел на работу в строительно-ремонтную бригаду, до вечера. Я остался один. Вымыл посуду, почитал. Вышел на огород, набрал себе малины.

Ничто не могло меня развеселить. Я был обижен. Мальчик, который в назначенный срок не получил велосипеда, страдал, будто случилось большое горе.

Конечно, это была глупость. И она обернулась несчастьем...

До вечера я резвился на улице, ездил на «Орленке» моего дружка-приятеля, потом мы играли в «ножички», втыкая в землю, в начерченный круг, перочинный ножик. Была такая игра. Потом обычно приходил папа, и мы ужинали, смотрели телевизор или занимались домашними делами.

В половине восьмого я пошел домой. Папа все не появ-

лялся. Я сидел за столом в кухне и ждал его. И вдруг во дворе раздались шаги, слышались голоса. Кто-то вошел к нам во двор, отперев калитку. Но кто?

Я выглянул и увидел соседа, дядю Мишу, и двух незнакомцев. Дядя Миша жил в следующем доме по нашей улице, работал водителем грузовика. Невысокий человек с усами и в кепке. А незнакомцы были огромные люди, здоровенные. Вероятно, тоже из нашего поселка, с окраины. Мне казалось, что я их уже видел, вот только не знал, кто они, как зовут, чем занимаются. Обоим было лет по тридцать.

Или около того.

Эти незнакомые люди были настроены не по-доброму, оба с хмурыми, недовольными лицами. Оба сыпали ругательствами – как будто у себя дома. А дядя Миша почему-то пожимал плечами и нервничал.

Он-то первый и спросил меня: «Где Коля?», то есть, где папа – в доме или на огороде.

Я сказал, что папы нет, еще не приходил.

И тогда незнакомцы стали говорить дяде Мише: «Может быть, он вообще не придет. Как ты думаешь? Может быть, он сейчас мчится в неизвестном направлении подальше отсюда. У нас именно такое предчувствие».

Дядя Миша ответил: «Чепуха! Коля не из таких людей. Он придет что бы ни случилось. Здесь же его сынишка. Вы же с Колей сегодня разговаривали. Ведь он вам все объяснил: в обед, с двух до трех часов, он был дома, кормил сына.

Это твердое алиби, ребята. Каждый день в обед Коля здесь, в кухне, варит, жарит и на стол подает. Вы об этом у его сына спросите».

Незнакомцы так и сделали – спросили меня: «Твой отец был сегодня дома в середине дня? В котором часу? Когда пришел, когда ушел?»

Припомни как можно точнее».

Но я вспомнил не об этом, а о своей обиде. Мне захотелось насолить папе, навредить ему, отомстить. И я взял и сказал: «Он сегодня на обед не приходил. Я сам себе готовил – жарил фарш, варил макароны. Не было его сегодня!»

Незнакомцы переглянулись раскраснелись задержались и стали громко говорить дяде Мише и друг другу: «Ах вон как! Видал? Слыхал? Надул! Обманул, сволочь! Все ясно! Ну, га-дина!...»

Дядя Коля тоже закричал: «Не может быть! Ты что-то путаешь парень! Ну-ка, скажи правду: приходил твой отец на обед? Ведь он всегда приходит, что бы ни случилось!»

Я отрезал: «Не был, не был! Всегда приходит, а сегодня – нет!»

Незнакомцы сжали кулаки и выбежали со двора на улицу. Сели в машину и поехали. Дядя Миша покачал головой и пошел домой. Завел мотоцикл и тоже куда-то уехал.

Ужинать мне пришлось одному, и ночевать тоже. Потому что папа домой не пришел, даже под утро. Утром явился дядя Миша и сказал, что папа в больнице. Его избили бра-

тъя С., те, что приходили вечером. Старший из братьев набросился на отца, повалил его на землю и стал бить ногами. Младший тоже приложился.

Дядя Миша был подавлен. Он хотел мне что-то сказать, но не решался, и так и ушел, ни произнеся больше ни слова.

Потом пришла его жена, тетя Люба, забрала меня в их дом. Сказала, что я проживу здесь, пока папа не вернется из больницы. Тем же вечером мне сказали, что папа ослеп.

Его так сильно избили братья С., что он перестал видеть. Вот ведь какое случилось несчастье!

Теперь, спустя много лет, мне известна каждая мелочь в этой печальной истории. У этих братьев С. прямо из дома, из сундука, украли деньги, предназначенные для покупки мотоцикла с коляской. Братья копили на мотоцикл, а вор забрался в дом и унес все до копейки. Пропажа, однако, обнаружилась быстро. Но братья кинулись не в милицию, а к бригадиру ремонтно-строительной бригады. Прибежали к нему и спрашивают: «Говори, кто у тебя из уголовников работаем и кто отсутствовал с двух часов дня до половины четвертого – именно в это время нас и обчистили».

Братья жили на окраине поселка, их дом был самый крайний по улице, а бригада работала как раз неподалеку.

Бригадир сказал, что в коллективе работников есть один человек, который три раза побывал в тюрьме. Братья бросились его искать, нашли, а тот отвечает: «Ничего не знаю. К вашему дому не приближался. Зачем он мне нужен? И по-

чему вы только меня подозреваете? Здесь, в бригаде, деньги всем нужны, здесь люди только ради денег и находятся. Другого интереса ни у кого нету. Вот, к примеру, инженер Николай – он разбил чужую машину и выплачивает ущерб, ему деньги нужны до смерти. Спросите у него, где он был, а от меня отстаньте».

Братья расспросили моего папу, и он, конечно, рассказал, что с двух до трех часов дня кормил меня обедом.

В бригаде только трое работников отправлялись обедать домой, остальные обедали в столовой. Братья расспросили всех, кто обедал дома. У каждого имелись свидетели. Этих свидетелей братья тоже как следует расспросили.

Я должен был стать свидетелем моего отца.

И когда братья пришли в наш дом, я должен был сказать правду, описать все, как было.

Но я был обиженным десятилетним мальчиком и на зло моему папе солгал.

Папу обвинили в краже денег, сильно избили, и он ослеп. Спустя полгода зрение восстановилось но лишь частично. Папа стал инвалидом. Из-за этого он был вынужден оставить работу на заводе, и в дальнейшем занимался лишь низкооплачиваемым трудом. Работал почтальоном, курьером. Ушел из жизни всего в пятьдесят пять лет...

Братьев С. арестовала судили и отправили в тюрьму. А украденные деньги нашлись у того самого человека, который три раза бывал в тюрьме. За ним устроили слежку, выследи-

ла где он прячет украденное, и схватили.

Папа меня ни в чем не винил. Это был славный человек. Честный и выдержанный. Может быть, он когда-то в жизни совершил что-то нехорошее и потому теперь пострадал, но я ни о чем подобном никогда не слышал. От папы я видел только хорошее. Он запомнился мне решительно положительным человеком.

Наша жизнь сильно изменилась. Мы узнали, что такое постоянная нехватка денег и жесткая экономия. Ведь папа зарабатывал теперь мало. И мы стали жить бедно.

А я с тех пор живу с чувством вины... И еще во мне остался страх. Страх из-за личной обиды сказать неправду и навредить этой неправдой остался у меня до сих пор.

Из-за чувства вины моя жизнь протекает безрадостно. Я не могу веселиться. Когда мне хочется улыбаться, я вдруг вспоминаю моего несчастного отца, ставшего по моей вине инвалидом, и делаюсь мрачным.

Даже в праздники мне плохо. Я вздыхаю. Я в вечном унынии... Люди думают, что я болен или у меня постоянное горе.

Не таите обид, и назло кому-либо не лгите, особенно близким. Боже вас упаси!»

Олег Восков, 1967 года рождения: «Я слушался отца, мать, бабушку и сестру, делал домашнюю работу, из школы приносил «четверки» и «пятерки», хорошо спал, хорошо ел

и вообще не доставлял взрослым неприятностей. Я был почти образцовым мальчиком. Мной гордились. Я сам собой тоже гордился.

Дважды мне не повторяли, не было нужды. Мама и папа обходились одной-двумя фразами, чтобы внушить мне какую-нибудь мысль или идею. Я был ребенком, быстро схватывающим суть.

Папа, к примеру, говорил: «Из всего нужно выделять главное. Когда читаешь какую-нибудь книгу, всегда старайся понять, какая в ней основная идея».

Он также научил меня правильно распределять внимание, когда занимаешься приборкой в квартире.

Я работал быстро и эффективно. Сначала расставлял все предметы по своим местам. Убирал лишнее. Потом вытирал пыль, используя влажную тряпку. Потом проходилась сухой тряпкой. Затем пылесосил. Затем мыл полы.

Мои приятели всегда впадали в уныние, когда их заставляли прибираться в доме. Некоторые из них хныкали. И работали они медленно и плохо. Их, бывало, заставляли переделывать и тогда они еще больше унывали и еще громче хныкали. А я управлялся за один час. И меня хвалили и награждали – давали карманные деньги на сладкое. Как все дети, я обожал мороженое и сладкие пирожки. Обожал шоколад и конфеты.

Я был городским пареньком, рос среди камня, стекла и асфальта.

Мы ходили в кинотеатры, в парки, бродили по бульварам, каждый день пили газированную воду с сиропом. В карманах у нас лежали увеличительные стекла для выжигания на дереве. Мы выжигали на парковых скамейках и деревьях свои имена или какие-нибудь слова. Иногда нас ругали прохожие. Однако вредителями и хулиганами нас никто не считал, потому что мы все-таки вели себя смирно. Мы боялись неприятностей.

Мы были обыкновенные городские ребята.

Но то, о чем я хочу рассказать случилось не в городе, а в деревне...

В деревне проживала двоюродная сестра моей мамы, тетя Валя. Впервые я побывал в ее доме, когда мне было шесть лет. Как-то одним августом наша семья гостила у нее три недели. Кое-что я запомнил. Например, забор, окрашенный зеленой краской, огород, длинную поленницу. Еще помню, что между оконными рамами лежала вата.

Прежде чем я снова оказался в гостях у тети Вали, прошло семь лет.

В этот раз меня отправили гостить к тете одного, собрали чемодан, посадили в поезд, наказали не разговаривать с пьяными и вообще с подозрительными личностями, не торчать в тамбуре и не слоняться по вагонам.

И вот я приехал в деревню. Родственники встретили меня с восторгом, сразу повели в дом и усадили за стол. Я выпил три кружки чаю, съел полбанки варенья и тарелку горячих

блинчиков.

После обеда вышел на улицу прогуляться.

Местные ребята появились словно из-под земли, окружили меня, стали разглядывать расспрашивать хлопали по плечу. Каждый из них говорил: «Ты меня не помнишь? Ну ты даешь! Мы же с тобой ходили в лес по грибы. Ну?»

Намерения у ребят были добрые.

Я не узнавал их лиц, но отвечал, что узнаю. Всем это нравилось. Спустя пять минут мы подружились и пошли шататься по деревенским улицам. Потом отправились за деревню – купаться в пруду. Глубокий пруд с мостками найдется, наверное, в любой сельской местности.

Мы ныряли, плескались переплывали водоем во всех направлениях и издавали много шума, веселясь от души. Потом грелись на солнце. Ребята курили дешевые сигареты без фильтра. А я, помню, попробовал курить и отказался.

Нам было по тринадцать-четырнадцать лет.

Мы пришли на пруд на следующий день и стали ходить ежедневно. Приносили с собой лимонад и печенье, которые покупали в магазинчике по дороге. Все было обыкновенно хорошо, лето выдалось жаркое, я покрылся загаром, волосы мои выгорели и сделались светлее, на носу выскочили веснушки.

Все было замечательно до тех пор, пока нам не надоело делать одно и то же.

Нам наскучило купаться, резвиться, а затем лежать на тра-

ве. Всем требовалось еще какое-нибудь занятие. И мы, ища чем бы еще развлечься, глядели во все стороны. Но что такое деревня? Как можно убить скуку, когда уже не хочется купаться?

Мы бросились играть в карты.

Там же, на пруду, день-деньской сражались в подкидного дурака. Играли сидя, лежа и стоя, сосредоточенно и рассеянно, просто так и на «наказание». Проигравшие выли, кукарекали, бросались в пруд в одежде, но однажды пришел конец и этому. Карты были отброшены и забыты.

И снова мы принялись смотреть туда и сюда, призывая свое воображение, чтобы развеяться.

Неподалеку находился еще один пруд, поменьше, но в нем не купались. Считалось, что он гадкий. Его берега совсем заросли кустами и деревцами. Оттуда до нас донеслись лягушачьи голоса, жабье гоготание.

Мы пошли взглянуть на обитателей маленького пруда и обнаружили, что он кишит зелеными и серыми лягушками. Мы стали называть их жабами.

Мелкие, средние и огромные жабы высывались из воды и замирали, а некоторые неподвижно сидели в траве по берегам.

Деревенские ребята страшно этим возмутились. «Вы только поглядите на них! – закричали они. – Ничего себе! Куда это годится?»

Они смотрели на жаб, как хозяева окружающей жизни, и в

них вспыхнул азарт преследователей и охотников. Конечно, от скуки. Всем требовалась смена впечатлений. И вдруг двое ребят засустились и побежали искать камни. Нашли обломки кирпичей...

Жабы прятались под водой и в камышах, отчаянно прыгали и метались, но люди, пришедшие забрать их жизнь, не знали пощады.

Наша компания – пять человек – превратилась в истребительную команду.

Для убийства мы использовали всю ловкость и сноровку, вели счет, и, соревнуясь, хвастались друг перед другом.

Я не помню, как схватил камень и бросил в жабу, и не помню, чтобы я раздумывал, стоит ли это делать.

Я обходил пруд, как все – бесшумно. Вглядывался в траву и камыши. Заметив жабу, я говорил: «Это моя!»

Когда попадался особенно крупный экземпляр, мы ликовали.

Маленький мирный пруд стал местом бойни.

Самым рьяным из нас был паренек по прозвищу Гостёк, от слова «гость». Другие ребята тоже носили прозвища – Калый, Ноздря, Кудря. Этот Гостёк дрожал от азарта, у него тряслись руки. Он убегал на поиски камней с мешком, приносил булыжники и щебенку, а один раз приволок валун и швырнул его в воду, и через мгновение заплясал от радости. Камень размером с гирю убил сразу две жабы.

Мы устремились за Гостьком, словно он вел нас к славе.

Всем хотелось увеличить свой счет, поэтому у всех появились мешки для камней. Мы хватали камни с земли, как жемчуг. Мы ценили каждый обломок кирпича, радовались кускам арматуры и даже пустым бутылкам. В бутылки мы наливали воду, чтобы они становились тяжелее. Мы учились их метать как можно точнее.

Мы стали зоркими и проворными, завидовали чужим успехам и желали себе выбиться в чемпионы.

Утром, часа за три до полудня, мы собирались в компанию и размахивали мешками. Отправляясь бить жаб, мы подпрыгивали и смеялись. Порой мы не шли, а бежали. Спешили забрать чужие жизни.

Может быть, обитатели маленького пруда рыдали и молили о пощаде, и звали на помощь, но мы их не слышали. Мы нахваливали наше занятие. Оно развлекало нас, щекотало наши нервы. Мы кричали, что оно лучше карточных игр и купания.

За неделю мы убили десятки жаб. Мы усеяли их телами берега. Иногда мы принимали погибших за живых и огорчались. Мы перебели крупных и средних и принялись за малышей.

Светило жаркое солнце. Над прудом плавал смрад. Мы зажимали носы, но азарт все еще не покидал нас.

Мы разожгли костер и сжигали погибших в пламени. Чад разносился кругом, отпугивая птиц и стрекоз. Но и он не утолял нашей жажды убийства.

Лишь когда пруд показался нам пустым, мы наконец оставились.

Из пруда не доносилось ни звука. Иногда только камыши, колыхаемые ветром, шипели и шуршали. Сейчас, спустя много лет, мне кажется, что они кричали нам: «Что же вы наделали!»

Никто из нас не знал, что теперь наша жизнь никогда не будет такой, как прежде, и такой, как мы хотим.

О том, что нам предстоит расплатиться за содеянное, мы не подозревали.

Но разве мы были глупы?

Мы умели думать перед тем, как совершить действие. Иногда мы поступали весьма рационально. Мы научились находить в делах слабые и сильные стороны, искать выгоду, различали приметы некоторых обстоятельств и в некоторых случаях могли предсказывать события. Потому что мы были людьми.

Нам, к примеру, было хорошо известно, что за слабого может заступиться сильный. Каждый слышал или был свидетелем подобной истории.

Тронешь малыша, а он приведет брата-верзилу, который и надерет тебе уши. Перед силой мы трепетали.

Еще мы ясно представляли себе, что такое преступление. Ограбить магазин или прохожего – это преступление. Убить человека – тяжкое преступление. За этим последует тяжкое наказание.

Но мы почему-то не знали, что обижать беззащитных животных и тем более расправляться с ними ради забавы – тоже преступление.

Наверное, мы думали: ну что такое лягушка? Вот она сидит в траве или высунулась из воды, и ее жизнь ничего не значит. Что нам будет за это ничтожное создание?

Все мы были жестоко наказаны за эту страшную ошибку. Вот послушайте, как сложилась моя жизнь после совершенного мною отвратительного поступка.

...Через две недели я поехал домой. Сел в поезд. Когда я вернулся в свой город, родители меня не встретили – оказалось, что они ошиблись, перепутали номер поезда. А раньше они никогда не ошибались.

Я позвонил с вокзала домой, и мама и папа удивились и заохали. Потом спросили: «Доберешься самостоятельно?» Я сказал: «Конечно, ведь я уже не маленький, мне тринадцать лет».

Через пять минут меня ограбили.

Ко мне подошел какой-то парень постарше и просто-напросто схватил меня за горло и обшарил карманы. Вынул все деньги и скрылся. У него была сильная и тяжелая рука. Из моих глаз брызнули слезы. До чего же это было обидно!

Я был очень раздосадован. Как же так? Я нарочно аккуратно тратил деньги, чтобы сохранить больше половины. Папа и мама намекнули мне, что неистраченная за лето сумма останется у меня. Я мечтал купить импортную пряжку для

ремня, с изображением головы льва. Такие пряжки были в большой моде. Их носили парни из старших классов. Широкая, как ладонь, пряжка считалась признаком мужественности, и мы, шестиклассники, все знали о ней – что ее покупают не в универмаге, а на базаре, у частных торговцев, и что стоит такая вещь от пяти до семи рублей.

Я лишился денег и пожаловался родителям.

Надеялся, что меня пожалеют. Я был уверен, что папа даст мне такой ответ: «Не огорчайся, друг! Вот тебе денежки на твою пряжку». То есть я думал, что все обойдется благополучно.

Но папа и мама сказали: «Сам виноват, растяпа. Впредь будешь осторожнее».

Я ошибся в родителях. И мне показалось это невероятным.

Не таков был характер моих родителей чтобы они говорили со мной так холодно и пренебрежительно. Но именно это и случилось! Я не увидел с их стороны никакого сочувствия. Конечно, мне показалось это очень-очень странным.

Меня стали преследовать мелкие неудачи. Я терял деньги, вещи, ключи, опаздывал на автобус и на киносеанс, ронял в грязь мороженое и другую еду, поскользнулся и падал на глазах у девушек, рвал брюки, рубашки, получал синяки и ссадины.

На меня обрушилось невезение. Однако это были мелочи... Мне предстояло пройти более тяжкие испытания.

В шестнадцать лет я получил болезненную травму. С крыши сорвалась тяжелая сосулька и повредила мою переносицу. Две недели я ходил с забинтованным лицом, отпугивая от себя людей, но беда была еще впереди. Сняв повязку, я обнаружил, что на переносице осталась глубокая лиловая борозда. Она безжалостно исковеркала мою привлекательную наружность.

Даже мама и сестра воскликнули: «Фу, как некрасиво!»

Мама у меня была довольно симпатичная женщина. Папа был интересный, импозантный мужчина. Я унаследовал от них приятные черты. Но вот несчастье – сорвавшаяся сосулька! И мне выпало ходить с испорченным лицом, разочаровывая девушек.

В одно мгновение девушки потеряли ко мне интерес. И я стал упрашивать папу и маму, чтобы они отвели меня в институт красоты. К тому времени я еще не сообразил, что со мной происходит.

Маме удалось договориться с одним опытным пластическим хирургом, чтобы он сделал мне операцию.

Хирург постарался вернуть моему носу прежний вид. Ему это удалось. Я остался доволен, и мама тоже. Вместо глубокой борозды на моей переносице появилась лишь небольшая линия, которая со временем должна была исчезнуть.

Через четыре месяца на платформе загородной станции ко мне кинулся пьяный дебошир и ударил меня по лицу бутылкой. Сломал мне нос. И я снова угодил в больницу.

Опять на моей переносице появилась огромная борозда, и еще мой нос стал кривым. Помню, что я закричал от ужаса, а мама впала в уныние.

Пластический хирург осмотрел меня и сказал: «В этот раз все гораздо сложнее. На прежний результат не рассчитывай. Прежнего эффекта я достичь не смогу».

Доктор сделал все возможное, чтобы мне помочь, но шрам на носу все-таки остался. Не такой глубокий и вульгарный, как борозда, и все же бросающийся в глаза.

Шрам изменил мою жизнь. Я сделался мнительным и замкнутым. Я стал стесняться. Стал хуже учиться.

Мама и папа хотели, чтобы я поступил после школы в университет. Я готовился семь месяцев и все-таки не поступил. Неожиданно на самом важном экзамене я сильно оробел, принялся бормотать и все путать. Потом от внезапного приступа стеснения я вообще не смог говорить. Слова не шли из меня. Я сильно покраснел. Наверное, я показался членам комиссии слишком запуганным, потому что они спросили: «Вас что, кто-то напугал? Почему вы так съежились?»

Я выбежал из аудитории, выскочил на улицу. Робость мгновенно прошла. Откуда она взялась, я не знал. Почему она навалилась в самый важный момент – я не мог сказать.

От злости и досады хотелось перебить все стекла в университете.

Родители мне не посочувствовала а папа неожиданно сказал: «Ну и олух же ты!»

Будущей весной меня забрали на военную службу. И там, в артиллерийском батальоне, я снова получил травму носа. Лопнувший трос ударил меня по лицу – и опять через мою переносицу пробежала глубокая борозда.

Мой изувеченный нос так раздулся, что я перестал быть похожим на себя.

В местном военном госпитале пластических операций не делали. Нос лишь мазали мазью, сверху накладывали повязку. Рана заживала медленно. Меня оставили служить при госпитале, и здесь я убедился, что могу рассчитывать на снисхождение женского персонала, но не на физическую симпатию.

Молоденькие медицинские сестры хоть и сочувствовали мне, но избегали меня.

Их пугала моя отталкивающая внешность. И было бессмысленно вести какие угодно разговоры о том, что я хороший парень. Это не имело никакого значения. У девушек ни на минуту не возникло ко мне даже слабого интереса. Препятствие оказалось непреодолимым.

Вернувшись домой после службы, я в первую же минуту напугал маму: она бросилась ко мне и тут же отпрянула, всплеснув руками.

Перед ней стоял не тот человек, которого она два года назад провожала на службу. Мое лицо было неприятно даже самым близким людям.

Отец посмотрел на меня с укором и не обнял, а только по-

жал руку и похлопал по плечу. Хорошо, что сестры не было – она жила отдельно. Иначе и она скривилась бы от брезгливости.

Мы сели за стол, и я увидел, что папа и мама стараются скрыть свое отвращение.

Как я мог развеселиться, когда даже родители смотрели на меня, как на пугало?

Вскоре я обнаружил, что папа и мама стесняются меня. И я был вынужден уехать из родительского дома куда-нибудь подальше.

...Моя жизнь не сложилась. Переменив, наверное, полтора десятка мест, я так и не нашел житейского счастья. У меня нет семьи, нет детей.

Я никогда не знал женской привязанности. Ни одна женщина не прильнула ко мне, ни одна не взяла меня за руку.

Все то, о чем мечтают обыкновенные люди, судьба мне не дала. Обошла стороной.

Травму носа я получал еще два раза...

Три раза я думал о самоубийстве и однажды решился покончить с собой. Мне очень стыдно вспоминать этот случай. Я решил отравить себя... Но умереть не вышло.

В возрасте сорока лет я впал продолжительную меланхолию из которой, как мне казалось, есть только один выход – на тот свет. Потому что из-за меланхолии я каждый день пил спиртное.

И однажды, проходя мимо церкви, я в пьяном порыве за-

кричал: «Что же Ты делаешь? Где же справедливость? Почему так жестоко обошелся со мной?»

С небес мне не ответили. Красивые облака медленно проплывали над храмом. Светило полуденное солнце. Стояла тишина.

Я отправился домой и уснул.

А когда проснулся, пошел за спиртным. Шел и ругался, бормоча скверные выражения.

Попавшаяся навстречу пожилая женщина остановилась потому что я задел ее локтем. Она окликнула меня: «Чего пихаешься? А чего не весел? Ведь светлый праздник! Пасха!»

Я сказал: «Чего веселиться? Жизнь пропала. Не жизнь а труха. Хоть в петлю лезь хоть в огонь кидайся. Вот только за что такое наказание?»

«Значит, грех на тебе, дядя, – сказала дама. – Видно, обидел кого-то. За то и расплачиваешься. Вспомни свои делишки и раскайся. Может, избил человека? А может другое злодеяние совершил?»

Я огрызнулся: «Какое еще злодеяние! Не убивал, не грабил. Иди себе, куда шла, бабуса, не лезь в душу».

Перед тем, как уйти пожилая дама сказала: «А ты вспомни хорошенько. Может быть, животных убивал ради забавы? Господь за каждую невинно пострадавшую букашку может круто изменить нашу жизнь. Ведь Он покровитель и заступник беззащитных. Вот только люди об этом не всегда пом-

НЯТ...»

Дама свернула за угол.

А я вспомнил убитых жаб.

Ох, и много же времени я провел с тех пор, размышляя об этом!

Нас было пятеро: Гостёк, Каляй, Кудря, Ноздря и я. Как сложилась судьба деревенских ребят? Мне захотелось это выяснить как можно скорее. «Нужно поехать, нужно поехать!» – твердил я себе. Порой от волнения у меня не получалось усидеть на одном месте.

Я выехал в деревню.

В доме тети Веры проживала ее родственницу а сама тетя Вера уже скончалась. Новая хозяйка встретила меня холодно. Не пустила дальше крыльцу не пригласила сесть на лавку. Даже воды не предложила.

О деревенских ребятах она ничего не знала. Кто они такие – ей было все равно.

Я отправился по деревне, расспрашивая всех подряд, то есть каждого, кто попадался, и наконец один местный житель сказал мне: «Эх, были такие люди, да уже нету. Кроме одного – Кудри...»

Вот что оказалось: Гостёк повесился, когда ему было двадцать лет. Каляй четыре раза побывал в тюрьме и прошлой весной умер от туберкулеза. Ноздю убили в драке, десять лет назад. И только Кудря был еще жив, правда, потерял в загоревшемся доме свою семью и сам сильно обгорел.

Я пошел туда, где жил Кудря. Он меня не узнал. И его узнать тоже было невозможно.

Это был человек, выживший после пожара, с обгоревшим лицом и телом.

«Чего надо?» – грубо спросил он.

Я напомнил ему маленький пруд и несчастных жаб, но Кудря лишь сплюнул, махнул рукой и велел мне убираться восвояси. «Ничего знаку – только и ответил он мне. – А ты давай, иди отсюда. Не то я на тебя собаку спущу».

Я пошел на пруды и не нашел их.

Оказалось что прудов уже нет. Они высохли. Потом их засыпали и проложили дорогу.

Я отправился на станцию, сел в поезд и вернулся домой. Три дня мне не спалось, я измучился, непрерывно размышляя о том, что сам себе искалечил жизнь, уничтожил ее. Ведь я мог пожалеть жаб и уговорить деревенскую компанию не причинять им вреда. Они бы меня послушали. Но я об этом тогда даже не подумал...

Все мы, пятеро, жестоко расплатились за содеянное.

Я решил пойти в храм, чтобы рассказать церковному батюшке о своей жизни и спросить совета.

Только в церкви я и нашел спасение.

Через полгода одна прихожанка указала мне на человека, с которым, по ее словам, случилась похожая история. После церковной службы я догнал его на улице, и мы пошли вместе. Он оказался старше меня на десять лет. Его первые сло-

ва были о собственной жизни: она похожа на две половинки грецкого ореха, одна – светлая и здоровая, другая – почерневшая и иссохшая.

Когда-то всем увлечениям он предпочитал охоту. Обожал бродить по лесу с ружьем и бить зверя.

Двадцать лет назад он и два его приятеля, прихватив новые ружья, отправились охотиться. Но поход вышел неудачный – звери будто попрятались завидев молодцов с новенькими двустволками. Прошагав весь день охотники устроились в лесу на ночлег. Утром отправились дальше, но им снова выпала неудача.

К обеду они вышли на заброшенный хутор, давно оставленный людьми. Однако выяснилось что хутор все-таки обитаем: здесь поселились бродячие собаки, сбегавшие из города.

Взрослые собаки дремали в тени и на солнце, а малыши играли в траве, кувыркаясь и бегая за стрекозами.

Некоторые собаки вскочили и залаяли. А некоторые даже не пошевелились – ведь они и прежде видели людей.

Из-за обиды и злости на неудачный поход, а еще потому, что каждому очень хотелось испытать новое ружьишко, охотники застрелили всех собак. Настигли и взрослых, и малышей.

Трое мужчин, охваченных злобой и азартом, забрали полтора десятка жизней.

«Мне было тридцать лет, – сказал бывший охотник. – Все

складывалось чудесно: жена, дочка, просторная квартира и хорошая должность на работе. Просыпаясь по утрам, я напе-вал от удовольствия. Мои приятели тоже были довольны сво-ей судьбой. Мы могли прожить долгую и счастливую жизнь, но однажды совершили злодейство... Впрочем, мы не дума-ли, что это злодейство. Ах, какая насмешка судьбы! Какая злая ошибка! Мы думали, что за каких-то безродных и без-домных собак нам ничего не будет. О, жестокое заблужде-ние! Неверие! Если бы я мог вернуть тот день и тот час, я разломал бы ружье об дерево и бросился бы бежать. Я не тронул бы и маленькой букашки!..»

Из троих в живых остался только этот бывший охотник. Его приятели погибли, каждый из-за несчастного случая. А сам он скатился в бедность, потерял жену, она умерла от бо-лезни. Дочь стала преступницей и вот уже второй раз нахо-дится в тюрьме.

Закончив свой печальный рассказ, бывший охотник ска-зал: «У беззащитных животных есть Покровитель. Тот, Кто их создал. В этом нет никакого сомнения... Возьмите мою историю, или вашу».

Я молча с этим согласился.

Мне было очень горько. Ах, если бы я знал раньше!..

Не причиняйте вреда беззащитным животным из-за поте-хи, азарта или по другой причине, если вы не защищаете се-бя или не ищите пропитание.

Не повторяйте наших ошибок.

За жестокость вы так или иначе расплатитесь – сразу же или спустя время. Или расплатятся ваши близкие. И очень жестоко.

Даже если вы не верите в это или знаете людей, которые совершили подобный страшный поступок и до сих пор не наказаны, подумайте: стоит ли рисковать? А вдруг в вашем случае все выйдет так, как вышло со мной, с деревенскими ребятами и с теми охотниками?

Упаси вас Боже исковеркать свою собственную жизнь!»

Григорий Дем-ов, 1970 года рождения:

«Наша семья часто меняла города, потому что папа был военный. Было время, когда за пять лет он поменял три места службы. Некоторые считали такой образ жизни странным и изнурительным, а мы привыкли. Я, мама и младшая сестра не находили в этом ничего необычного. Мы были семьей офицера. Думаю, всем известно, что это такое.

Когда папа получал новое назначение, он всегда говорил: «Ну, собирайтесь братцы-кролики!» Это он говорил мне и сестре. Мы сразу бросались расспрашивать – куда едем, далеко ли, потому что нам нравилось находиться в дороге. Я любил ездить в поездах. Сестра тоже любила. Обычно папа первым добирался до места, чтобы заняться приготовлениями, а мы с мамой приезжали позже. Бывало, ехали два дня, а бывало, четыре. В купе или в плацкарте.

С детства я хорошо знал оборудование пассажирских

вагонов. Как стихотворение мог рассказать, где находятся стоп-кран и куб с кипятком, как опустить окно, включить радио, сколько боковых кресел в коридоре, где расположена печка и чем ее топят. И многое другое: с какой скоростью движется поезд, где вагон ресторан и каковы цены, например, на кофе, выпечку, шоколад и лимонад, в каком вагоне едет начальник поезда, и когда закрывают туалет на ключ в санитарной зоне.

Среди попутчиков нередко попадались мои ровесники, с которыми я знакомился всегда первым. К этому меня учили частые переезды. Я вываливал перед ними все, что знал о поездах, и многие удивлялись: мало кто мог рассказать столько же интересного, сколько я.

Я привык иметь преимущество. Привык к тому, что меня увлеченно слушают.

Но один раз нам с сестрой попался паренек, оказавшийся прирожденным рассказчиком, да еще одаренным различными способностями. Это он сам так сказал о себе. Сделал весьма развернутое сообщение... Рот его не закрывался, слова сыпались и сыпались, и все только о масштабе своей личности.

Его звали Ярослав, в те времена редкое имя. Но если бы только имя этого паренька было редким! Он оказался редким хвастуном и фантазером.

Стоило нам познакомиться, как Ярослав перечислил все свои достоинства и заслуги, а потом еще занялся подробно-

стями.

О чем говорил этот тринадцатилетний выдумщик?

О том, что он самбист и самый сильный во дворе и в школе – среди ровесников, разумеется, затем о том, что знает два языка, английский и французский и что умеет, несмотря на малый возраст, водить машину, и что прочитал сто книг и снимался в кино, и однажды десять километров проскакал на лошади, чтобы спасти каких-то людей, и что дома у него живут лемур и огромный попугай, а еще он побывал за границей, когда мама взяла его с собой на международный симпозиум.

Никто его не одергивал, потому что он ехал один. Мне тоже было тогда тринадцать лет, как и ему. Моей сестре – одиннадцать. Но сколько бы верст мы с сестрой ни проездили в поездах, всегда только с родителями. А тут пример удивительной самостоятельности!

Я лишился преимущества. В этот раз оно было не у меня. Случай поразительный. Что я мог рассказать человеку, столько повидавшему и столько знающему?

Наташа, моя сестра, слушала Ярослава так, словно он вернулся из кругосветного путешествия.

Я злился и от досады сидел мрачный. Я завидовал Ярославу, хотя догадывался, что он много чего про себя выдумал. Ну не может человек тринадцати лет отроду столько повидать и испытать лично на себе! Только в каком-нибудь кинофильме.

Мне очень хотелось рассказать что я стрелял из папиного пистолета, но мешала сестра. Я боялся, что она скажет: «Это еще что за новости? Когда это было?»

В действительности я только держал папин табельный пистолет в руках, а про стрельбу, конечно, мне хотелось нафантазировать. И вот из-за сестренки мне не пришлось присочинить.

И опять я разозлился.

Ярослав ехал в тот же город, что и мы, погостить у родственников. Сам он проживал в столице, в Москве, на бульваре возле знаменитого цирка.

Наташа сказала ему: «Ах, как тебе повезло! Наверное, каждый день ходишь смотреть представление!»

Ярослав ответил: «Ну еще бы! В цирке работает моя тетя, так что вход бесплатный. Меня там все знают».

Сойдя на перрон, он помахал нам рукой и быстро исчез в толпе. Мы ему тоже помахали. Сестра хотела подарить ему значок и не успела. А я ничего не хотел дарить. Мы поехали на автобусе на окраину города, где папе выделили служебную квартиру. Район оказался ничего, сносный. Из нашего окна была видна роща. Школа – через улицу. Магазины «под боком».

Лето мы с сестрой провели в пионерском лагере. 1 сентября пошли в школу. И вот те на! Я вхожу в класс новичком и вижу Ярослава! Знакомое лицо. Знакомый голос.

Ярослав побледнел, заметался. Схватил зачем-то свой

портфель, пересел с одного места на другое. Он был охвачен ужасом. Задрожал, как перед страшным наказанием.

Потом, казалось, он взял себя в руки. Схватил меня за локоть и повел в сторону, чтобы поговорить.

Разговор этот нетрудно представить.

Ярослав сказал: «Слушай, друг, я там, в поезде, много про себя выдумал... Так просто, от скуки. Будто я живу в Москве, снимался в кино, знаю два языка... Самбист... Это была шутка. Ты меня не выдавай, хорошо? Не выдашь?»

Меня попросили поступить по-дружески.

Сейчас я склонен думать, что дьявол сыграл со мной злую, роковую шутку. Не с Ярославом, а именно со мной.

Ярослав понадеялся на мое благодушие. Кто из детей и подростков не выдумывает? Я и сам был не прочь порой нафантазировать что-нибудь чтобы привлечь к себе внимание.

Но я был новичок в классе. Мне предстояло медленно продвигаться к самоутверждению. А ведь хочется быстрее. Я хотел поскорее перескочить через одиночество и неуверенность – чтобы они заняли самое непродолжительное время.

Поэтому я поступил иначе. Я превратился в рупор. Рассказал, разболтал и раззвонил о Ярославе все, чему был свидетелем.

Я яростно говорил направо и налево: «Знает два языка – английский и французский! Живет в Москве на бульваре возле цирка! Самбист! Бывал за границей!..»

Одноклассникам Ярослава было очень забавно это слы-

шать, они громко смеялись. Веселились как в кинотеатре на комедии.

Я злорадно усмехался. Я разрушил жизнь моему попутчику. Опозорил его. Я словно вонзил нож ему в спину.

Можно сказать я раздавил его, как насекомое.

Ярослав потерял уважение товарищей и сбежал из школы. Через несколько дней родители перевели его в другую.

Меня приняли за разумного и компанейского паренька, который вывел мошенника на чистую воду.

Однако это было бессмысленное разрушение.

Всего через неделю о произошедшем забыли и даже стали скучать по Ярославу. Кто-то вспомнил, что он был хорошим другом, никогда не злился и делился последним. Кто-то сказал: «Жаль, что он ушел! С ним было весело!»

Меня не упрекали. То есть о том, что это по моей вине Ярослав больше никогда не появится в нашей школе, не говорили. Сам себя я тоже не упрекал, поскольку не имел такой привычки.

Вдруг со мной случилось странное происшествие. Очень для меня неожиданное и обидное.

В классе учился один бойкий паренек, Федя, храбрец и не по годам самостоятельный, как раз такой приятель, какой мне и был нужен. Я решил, что стану его товарищем. Я всегда так делал – примыкал к самым бойким и храбрым. При чем завязывал дружбу всего за один день, быстро и просто.

И вот ничего не вышло. Совсем ничего! В это было трудно

поверить.

Федя смотрел на меня лениво, как на муху, и не произносил ни слова.

Я крутился возле него, рассказывал о поездах, наконец приврал, что стрелял из папиного пистолета, а он вообще перестал меня замечать. Впервые в жизни я почувствовал себя неловко.

После уроков я пошел за Федей, и он меня осадил: «Чего тебе надо? А ну, дуй отсюда».

Ничего себе!

Я был обескуражен, побрел домой, а назавтра, в школе, не знал, как себя вести. Ходил молчаливый и потерянный.

Конечно, в классе нашлись другие ученики, с которыми можно было завязать дружбу. В полном одиночестве я бы не остался. Однако я не достиг желаемого. Получил не то, на что рассчитывал.

В то время я не знал, что впереди меня ждет бесконечная череда разочарований. Всю мою жизнь я буду получать не то, что хочу, а что-то другое и обязательно худшее.

Теперь, спустя много лет, разглядывая свою жизнь, я понимаю, что произошло: от меня отвернулась удача.

Меня покинуло везение.

Мои желания не сбывались разве что бытовые, повседневные и самые мелкие, ничего не значащие.

Но ведь у каждого человека есть желания – в этом и заключается наша жизнь. Мы стремимся улучшить свое поло-

жение, окружить себя интересными людьми и предметами и судьбу в целом мы хотим видеть удачно сложившейся. А не наоборот.

Для того мы, собственно, и мечтаем.

Мои мечты не сбылись — ни одна. В сорок лет я превратился в унылого, вечно ворчащего человека, с такой же женой.

Мы ходим по дому, злимся и оскорбляем друг друга, не испытывая никаких добрых взаимных чувств. Оба мы прожили так, что нечем похвастаться. Наш дом тусклый, мебель старая, посуда потемневшая и треснувшая. В гости никто не приходит, а мы и не зовем. Детей нет.

Оттого-то мы ворчим и хмуримся. Да еще сквернословим.

Впрочем, ворчать я научился уже в тридцать лет. И тому была причина: непрерывные неудачи. О, как трудно жить, когда рассчитываешь на одно, а получаешь всегда другое!

А началось это именно тогда, в детстве, после случая с Ярославом. Меня стало преследовать невезение.

Если я собирался пойти в кино и думал о том, как это хорошо, все тут же переворачивалось с ног на голову. «Хорошо» заменялось понятием «плохо». Фильм был неинтересный. Или места невыгодные. Или рядом сидящие мешали смотреть картину. Или откуда-то с верхних рядов бросали что-то липкое мне на голову, и я весь киносекс пытался выдрать это из волос. Либо я что-то терял — ключи от дома, деньги.

Если мы с папой отправлялись на рыбалку и я радовался, то с рыбалки я возвращался измученным и разочарованным. Рыба клевала плохо. Портилась погода. Либо шел дождь, либо пекло солнце. Либо мы встречали плохих людей, пьяных или злых. Хорошее настроение улетучивалось. Я терял крючки, рвал леску. Получал мелкие травмы, порезы, ожоги. Хорошей «знатной» рыбалки я не помню. И однажды папа охладел к рыбной ловле в компании со мной, стал ездить с друзьями, а меня не звал.

Если мне бывало скучно, и я думал: «Пойду в гости к приятелю!», из этого ничего хорошего не выходило. Приятели как назло отсутствовали. Или они были заняты. Или я приходил к приятелю, а тот собирался в гости к другому нашему общему знакомому, а меня с собой почему-то не приглашал. Я обижался, злился.

Как-то раз от скуки я пошел в библиотеку. Думал, что возьму пару интересных книг принесу домой, завалюсь на диван и стану читать. Не тут то было! Обошел полки и ничего не выбрал. Книги были такие, что читать их не хотелось. Оказалось что все хорошие книги уже «на руках» и в читальном зале. Я пошел в читальный зал, взял книгу, сел и начал читать. Меня стало клонить в сон. Я боролся с сонливостью, а потом закрыл на секунду глаза и очутился на полу. Все, глядя на меня, смеялись. Я уснул и свалился на пол, да еще под ноги какому-то человеку да еще, падая, я вымазал его светлые брюки своей слюной. Это его разозлило. Он схватил

меня за шиворот, встряхнул, и все снова засмеялись. Я был опозорен, сбежал и с того дня страшился библиотеки.

Из месяца в месяц, из года в год со мной происходила одна и та же история: только я понадеюсь на что-то хорошее, как на меня сваливается неприятность. Ожидания, если они были положительные, никогда не оправдывались.

Это очень мучительное состояние – постоянное разочарование.

Однажды мама послала меня на почту, я пришел и угодил в длинную очередь. Именно в этот день два десятка человек явились за денежными переводами. Я тоже явился за денежным переводом. Было тесно и уныло, и я отправился на другую почту, через две улицы. Я думал, что лучше преодолеть лишний километр, чем стоять битый час. Прибежал и вижу: почта закрыта на санитарный день. Побрел обратно. Снова встал в очередь. Простоял полчаса, и вдруг в зал вваливается какая-то компания, и какая-то дама, которая стояла передо мной, взмахнула рукой и закричала: «Сюда, сюда!» Затем она повернулась ко мне и сказала: «Ну-ка, подвинься, паренек! Эти люди занимали место передо мной, когда тебя еще здесь не было». Оказалось что это бригада штукатуров-маляров. И вот эта компания влилась в очередь и снова пришлось ждать и ждать. Когда в очереди передо мной никого не осталось окошко выдачи денежных переводов закрылось и в проеме появилась картонка с надписью «обед». Наступил обеденный перерыв. Служащие почты попросили посетите-

лей выйти на улицу. И мы вышли. Штукатуры-маляры добились чего хотели, взяли свое, а я нет. Я был так зол, что раскраснелся. Пошел домой, и мама мне не поверила: «Как это может быть? Ведь ты отправился на почту за час с четвертью до обеденного перерыва!» Я ответил что-то недоброе. Мама рассердилась и сказала: «Это еще что такое? Грубить матери? За это ты не пойдешь в кино! Десять минут назад звонил дядя Коля и сказал, что купил билеты на кинокомедию, и мы все пойдем ее смотреть а ты останешься дома. Садись обедать а после обеда снова отправляйся на почту!» Дядя Коля, мамин брат, приехал с Ямала, гостил у нас последний день и в последний день всех нас пригласил в кино. Утром он говорил об этом: «Сегодня закатимся в кинотеатр!» В городе шла французская кинокомедия. Папа был на учебе в академии. Это он прислал нам деньги почтовым переводом. Случай на почте лишил меня хорошего настроения и заставил нервничать а мама, лишив удовольствия, заставила почувствовать меня несчастным. Утром мы с сестрой радовались тому, что пойдем в кино, увидим веселый фильм, купим мороженое. И вот у сестры вышло, а у меня нет.

Подобное невезение сопровождает меня всю мою жизнь с тринадцати лет. А у сестры все сложилось удачно.

Наташа добилась всего, чего желала. Хорошо закончила школу, потом закончила институт. Получила интересное назначение. Ее мечты сбылись. У нее хорошие друзья, хорошая семья.

Тогда, в тот день, 1 сентября, она тоже увидела Ярослава – повстречала в школьном коридоре. Но она лишь улыбнулась и помахала ему рукой. Он смутился и поспешил удалиться. И там же, в школьном коридоре, я сказал сестре: «Гляди-ка, это же Ярослав! Вот прохвост! Выдумщик! Наврал с три короба!»

Умная и мудрая Наташа ответила: «Ну и что? Подумаешь – выдумал! Он же никому плохого не сделал. Мальчишки часто выдумывают. Что тут особенного?»

Она никому не рассказала о Ярославе. Сохранила в тайне все, что случилось в поезде, хотя он ее об этом не просил.

А меня он попросил, и с большой надеждой! Но я не откликнулся на его просьбу и махнул рукой на его надежду.

Я не знаю всех невидимых механизмов, что управляют нашей жизнью. Но пристально рассматривая свои прожитые годы, начиная с тринадцати лет, я понял, что наказан за то, что без всякой причины навредил человеку. Причины вредить Ярославу у меня не было. Этот парень ничего скверного не сделал, а только рассказал о себе несколько небылиц. И всего-то! А я разрушил его репутацию, его положение. Я запачкал его имя.

Я от Ярослава не пострадал. А вот он пострадал от моей жестокости которая выразилась в том, что я, не смотря на его просьбу, выдал его.

Я мог легко эту просьбу выполнить. Чего проще не кричать налево и направо о чьих-то выдумках?

Если бы мог вернуться в прошлое! Я ответил бы Ярославу: «Какой разговор, парень! Никто ничего не узнает. Можешь на меня положиться».

До тринадцати лет моя жизнь складывалась хорошо. Я не знал, что такое невезение — я великолепно это помню. Мои надежды оправдывались, желания исполнялись. Если я рассчитывал на успех в каком-то деле, успех приходил.

После моего скверного поступка все изменилось... Удача и везение сбежали от меня. Ко мне прилепились просчеты, промахи и разочарование. Сколько житейских бед, больших и малых, я пережил!

Кто-нибудь скажет: «Разве это горе, если голова цела и ноги на месте? На каторгу не угодил, и смертельной болезнью не заболел. Радуйся!»

А я скажу, что моя жизнь могла сложиться иначе. Она могла сложиться удачно, как у моих мамы и папы, как у сестры Наташи.

С тринадцати лет я живу, как круглый неудачник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.